

Entymema XXVIII 2021

Усадьба, столица и провинция в романе
Александра Потёмкина *Человек отменя-
ется* (2007)

Ольга Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук – ИМЛИ РАН

Abstract – The article analyzes the novel of the modern Russian writer A. Potyomkin *Man is canceled* (2007), which received a wide public response. The main idea of the work is the need for a radical change of the ‘mass man’ of the turn of the XX-XXI centuries at the psychosomatic level. The ideological and compositional center is the specially built Rimushkino estate in the Oryol province, where the serf spirit of the Russian Empire at the turn of the XVIII-XIX centuries is reproduced. To answer the question of why the estate space of Russia is becoming the most representative field for anthropological experiments of the beginning of the XXI century, we consider the estate neo-myths of the Silver Age (the lost paradise on earth) and the Soviet period (the camp hell living in the mentality), as well as the imperial-colonial concept of the postmodern era (the estate as a frontier in the process of class-oriented internal col- onization of the country). The multidimensional semiotics of the estate sets a new relationship between ‘metropolitan’ and ‘provincial’ concerning the other loci of the novel.

Keywords – Russian estate; Estate neo-myths; Deconstruction; Simulacrum; Capital; Province.

Богданова, Ольга. “Усадьба, столица и провинция в романе Олександра Потёмкина *Человек отменяется* (2007)”. *Entymema*, n. XXVIII, 2021, pp. 51-64.

<http://dx.doi.org/10.54103/2037-2426/15316>

<https://riviste.unimi.it/index.php/entymema>

Creative Commons Attribution 4.0 Unported License
ISSN 2037-2426

Усадьба, столица и провинция в романе Александра Потёмкина *Человек отменяется* (2007)

Ольга Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук – ИМЛИ РАН

Перу Александра Потёмкина принадлежат такие известные в России и за рубежом повести и романы, как *Мания*, *Кабала*, *Соло моно*, *Путешествие сознания пораженца*, *Прозрения одиночества* и другие, появившиеся в первые два десятилетия XXI века. Вышедший в свет в 2007 году роман *Человек отменяется* сразу же привлек к себе внимание российского читателя, став полем оживленных дискуссий и столкновения разных мнений. На протяжении нескольких лет об этом произведении на страницах российских газет, журналов, Интернет-сайтов высказывались такие известные писатели, литературоведы, критики, философы и общественные деятели, как А. Салуцкий, Л. Аннинский, А. Гачева, С. Семенова, Г. Гачев, В. Никитин, П. Черняев, В. Мирнев, И. Арзамасцева, А. Проханов, В. Бондаренко, М. Маслин, И. Саверченко и многие другие. Практически все они посчитали произведение «многослойным», «глубоким» и «незаурядным» (Черняев); увидели в нем «огромный кладезь информации, своего рода энциклопедию актуальных, захватывающих воображение проектов [...] сотворения мира и его биологической эволюции до будущего социально-инженерного мироустройства» и «поиск ‘русской идеи’ на новом этапе национального самосознания» (Никитин); магистральной проблемой «философского, идеологического», «умного, увлекательного, шокирующего и вызывающего работу мысли и сердца» (Гачева, Семенова) романа-антиутопии назвали необходимость разрешения «антропологического кризиса», назревшего в мире в течение XX–XXI веков; на поставленные же автором ‘проклятые’ вопросы о несовершенстве человеческой природы ответить не смог никто: «Нет на эти вопросы ответа ни у Потёмкина, ни у Достоевского, ни у нас с вами» (Аннинский); из-за многочисленных сцен насилия, пыток и издевательств это произведение, по общему мнению, «страшное, вызывающее у читателя ужас и чувства протеста и возмущения» (Маслин); в то же время цель романа видится в стремлении «понять природу зла, жестокости и звериного начала в человеке», анализируя изъяны его «био-психологической природы» (Саверченко); кроме того, «роман Александра Потёмкина, по сути, стал первой, настоящей, классической крупномасштабной сатирой на то, что происходило в России и с Россией в 1990-е годы», оживляя в памяти социально-разоблачительные творения классика XIX века М. Салтыкова-Щедрина. Будучи «очень мощным писателем-сатириком с глобальным мышлением», Потёмкин отвесил «пощечину – а еще лучше оплеуху! – безнравственному человечеству. Причем всему сразу!», признав человека чуть ли не «ошибкой эволюции» (Салуцкий). «Профессор рыночной экономики, журналист и удачный бизнесмен, Александр Потёмкин нарисовал по-своему страшную картину гибели нынешнего либерального состояния общества», – резюмировал В. Бондаренко (Бондаренко). Напротив, Н. Вилесов воспринял роман *Человек отменяется* как «откровенно человеконенавистнический пасквиль, подводящий идеологическую базу под пропаганду идей фашизма» и апологию «“золотого миллиарда”, живущего по западным стандартам» (Вилесов). Сам же создатель нашумевшего романа пояснил:

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

[...] мысль о том, что нынешний человек отменяется, – это точка зрения не тех или иных героев моего романа, это прежде всего точка зрения автора. Надо срочно приступить к изменению человека – так я думаю сегодня. (Потёмкин, *К новому человеку*)

Именно в результате генетической модификации людей «кардинально изменятся [...] ценности» (Потёмкин, *К новому человеку*), на которые с такой яростью и презрением обрушиваются герои романа Семен Химушкин, Иван Гусятников и Виктор Дыгало: отсутствие у большинства человечества высших стремлений к духовному и интеллектуальному освоению мироздания, дефицит личного достоинства, рабство у низших физиологических влечений, неспособность к любви, бескорыстию, справедливости, состраданию и уважению к ближним.

Несмотря на разносторонний подход к этому многогранному произведению, практически ни один из критиков не остановился на такой важной особенности романа *Человек отменяется*, как центральное положение в его идейно-композиционной структуре 'усадебного топоса', задающего ракурс особой интерпретации смежных топосов 'столицы' и 'провинции' в его художественном мире. Исследование этих соотношений и станет главной темой настоящей статьи. Именно в усадьбе Римушкино происходят радикальные эксперименты над 'человечностью' как онтологической субстанцией и экзистенциальным феноменом. Таким образом, в романе *Человек отменяется* пересекаются художественное исследование русского 'усадебного топоса' и современный антропологический дискурс. Возникает вопрос, почему усадебное пространство России становится для автора наиболее репрезентативным полем для антропологических экспериментов начала XXI века, – ведь 'феодалный' мир давно и как будто навсегда ушел в прошлое. Тем не менее роман Потёмкина убедительно демонстрирует современность и актуальность феномена русской усадьбы. Попытаемся же осмыслить лежащий в основе повествования парадокс: русское крепостническое поместье начала XIX века как индикатор новейших антропологических, социальных и культурных процессов в мире начала XXI века. Но предварительно – несколько слов о создателе интересующего нас произведения и о романе в целом.

Александр Потёмкин – писатель не совсем обычный. С одной стороны, он автор 10 книг интеллектуальной прозы; с другой – доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета, академический ученый; с третьей – имеет опыт высокопоставленного государственного служащего; с четвертой – специалист по фондовому рынку, успешный бизнесмен. Такая разносторонность обусловила богатство проблематики романа *Человек отменяется*, насыщенность сюжетными линиями и мотивными ассоциациями, тщательную проработанность и достоверность деталей, возможность сопоставления таких сфер жизни, которые обычно разделены непроницаемыми социальными барьерами.

В самом деле, действие романа происходит то в зале престижного столичного ресторана, то в каталоге Российской государственной библиотеки, то в номере шикарной гостиницы, то в стандартной обшарпанной трешке на блочной окраине Москвы, то в роскошном бутике с головокружительными ценами, то в тесном купе дешевого плацкартного вагона, идущего на далекий север страны... А еще – в совсем уж экзотическом для начала XXI века месте – 'крепостной' деревне современного образца на Орловщине, в сердце исторической России.

Социальный состав персонажей потёмкинских романа пестр и многолюден: это губернаторы и олигархи, судьбы и военные, государственные служащие всех рангов, профессора и аспиранты, писатели и журналисты, бомжи, гастарбайтеры и пенсионеры, врачи и патологоанатомы, бизнесмены и проститутки, рабочие и наемные торговцы, прислуга и т. п. Есть среди них люди баснословно богатые и абсолютно нищие, не

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

имеющие денег даже на кусок хлеба. Не только имущественная, но и социальная амплитуда в этом густонаселенном романе предельно широка; однако широка она не просто предельно, а уже запредельно – на страницах произведения появляются настоящие парии общества, аналог старинных крепостных императорской России в поместье Римушкино Мценского района Орловской губернии.

Произведение постмодерна, роман Потёмкина отчетливо не различает константную, эмпирическую реальность и действительность виртуальную, фантастическую, воображаемую. Один из главных героев, Семен Химушкин, может спокойно превращаться в пшеничное зерно, а затем снова приобретать человеческий облик. Множественность миров, утрата человеком бытийного статуса, растворение человеческой идентичности в виртуальных пространствах – одна из ведущих тем русской прозы рубежа XX-XXI веков: достаточно вспомнить романы В. Пелевина *Чатаев и Пустота*, Т. Толстой *Кысь*, В. Маканина *Андеграунд* и др. Так и потёмкинский Химушкин, будучи социально ущемленным малоимущим пенсионером, эмануирует из себя своего удачливого двойника Ивана Гусятникова – влиятельного олигарха, манипулирующего губернаторами, судьями, чиновниками, государственным бюджетом, законодательством страны и проч. в своих личных целях.

Трагедия Гусятникова в том, что, обладая практически беспредельной и бесконтрольной властью над множеством людей, он жестоко разочарован в самом качестве ‘человечности’ и не может определить параметры человеческой идентичности. Он в своем роде бескорыстный мечтатель и экспериментатор, ради поиска новой истины и смысла существования на переломе эпох готовый на громадные денежные траты, жертву своим временем, покоем и даже самой жизнью: свидетельство тому – покупка и обустройство поместья Римушкино за 1000000 \$, проведение там изоциренных и дорогостоящих экспериментов над человеческой природой, безжалостное отношение к самому себе как к опытному полю для исследования границ человеческого и сверхчеловеческого, собственная преднамеренная мучительная смерть от зубов хищного зверя – тигра. Подобно персонажам писателя Ю. Мамлеева, герой Потёмкина Гусятников считает, что прорваться к высшему плану бытия «[...] человек может, только преодолев мертвенную пустыню здешнего мира на “крыльях ужаса”, который глубже, “чудовищнее” смерти» (Богданова, *Русская проза* 56). Не с этим ли связано его настойчивое стремление к нагнетанию пыток и страданий, изобретению их изоциреннейших форм, убийству человека непременно ‘своими руками’? Но почему прорезание ‘крыльев’, вылупление из ‘человека массы’ нового одухотворенного существа должно происходить, по Гусятникову, на путях крайней жестокости, вплоть до физической гибели испытуемых? По-видимому, здесь герой романа придерживается известной традиции, маркируемой именем Ф. Ницше:

[...] современному миру нужен бунтарь, обладающий совокупной мощью таких деятелей, как Карл Великий и Чингисхан, Иван Грозный и Наполеон, Сталин и Гитлер. Проханов мечтает о пятой российской империи [...]. Может, эта идея, если она будет реализована, станет прологом к рождению качественно нового мира! (Потёмкин, *Человек отменяется* 427)

Попутно отмечу, что отождествление высказываний Химушкина-Гусятникова с мировоззрением самого писателя Потёмкина представляется упрощенным и даже неверным (совпадение – лишь в общей интенции к изменению человека) хотя бы потому, что в нарративе этих героев часто звучит дистанцирующая авторская ирония. Тем не менее Гусятников способен испытывать уважение и даже сострадание к тем несчастным насельникам Римушкина, у кого на самом дне унижительных страданий пробуждаются честь, мужество, великодушие и сохраняется чувство высшего начала, – православному

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

дьякону, мусульманину Каюлову, преданному поклоннику князя Мышкина из *Идиота* Ф. Достоевского Юрию Маценурову. Большинству же ‘крепостных’ в аналогичных ситуациях свойственны не просто звериные инстинкты, эгоизм и свирепость, но inferнальные черты: садизм, изощренный обман, упоение душевной и телесной низостью.

Антропологическая неопределенность, подразумевающая распад человеческой личности и идентичности и пересмотр категории ‘человечность’, в том числе в аспекте телесности, является одной из важнейших черт переживаемой нами постмодернистской культурной ситуации. Потёмкин и здесь в русле литературных взглядов на телесное как уязвимое (например, в романе *Лох* А. Варламова), телесное как низменное и безобразное (например, в романах В. Сорокина *Голубое сало* и Ю. Мамлеева *Крылья ужаса*) и телесное как мнимое (например, в романах В. Пелевина *Чапаев и Пустота* и Т. Толстой *Кысь*). В перечне отвратительных физиологических подробностей пыточных экспериментов (расчленение трупов, зловонное гомосексуальное изнасилование, поедание жареного пениса соперника и проч.) креативность Потёмкина, пожалуй, может сравниться лишь с фантазиями В. Сорокина. Тем не менее в романе *Человек отменяется* ошутимо стремление преодолеть антропологическую неопределенность с помощью нового мифотворчества, стартующего в пространстве усадьбы:

Я [...] все основательнее укрепляю себя мыслью, что земля на человеке не заканчивается (Потёмкин, *Человек отменяется* 174),

– признается помещик XXI века.

Отмеченные метаморфозы происходят на фоне окончательной массовизации как доминанты современной культуры. Вспомним, что на протяжении всего XIX века в Европе назревал цивилизационный сдвиг, явственно обозначившийся только на рубеже XIX-XX веков: приход на арену истории нового героя – ‘человека массы’ взамен прежней секулярно-гуманистической новоевропейской личности, имевшей христианское происхождение. XX век – это уже господство ‘человека массы’, которого характеризуют посредственность, несамостоятельность суждений, примат эмоционального над рациональным, отсутствие высших духовных интересов и нравственных принципов, материально-телесный эгоизм, разрыв с гуманистической моралью, преданность не идее, а партии и вождю, рассредоточенность по различным социальным группам. При этом ‘человек массы’ атомизирован, у него разрушены естественные (семейно-родовые) и социокультурные связи с другими людьми, он чувствует себя одиноким, незащищенным, неуверенным, если не может идентифицировать себя с каким-либо кумиром, или вождем. Начало же XXI века проходит под знаком необратимой глобализации, которой с трудом сопротивляются национальные государства, и тотального господства ‘человека массы’ как конституирующего факта не только индустриального общества двух первых третей XX века, но и современного постиндустриального (информационного) общества. Падение тоталитарных режимов отнюдь не влечет за собой ухода массы с исторической арены (см.: Богданова, *Роман-эпопея* 97, 98-99, 104-105).

Однако теперь массовая культура действует не столько прямым принуждением, сколько ‘соблазнением’ с помощью ‘машин желания’. Именно такая тактика применяется Гусятниковым в ‘бараках’ Римушкина по отношению к своим ‘крепостным’: например, жалкой уродке Латиповой прививаются барские привычки капризной красавицы-богачки, деформирующие ее психику; голодных людей изводят видом роскошно накрытого стола, яства на котором будто бы отравлены; в ‘культурном бараке’ малооплачиваемые ‘работники пера’ (литераторы и журналисты) искушаются видом набитого валютой помещичьего сейфа, который планируют ограбить для ‘раскрутки’ (пиара) без-

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

дарного прозаика Поляковского. Судьба человеческой индивидуальности в эпоху 'восстания масс', крах гуманистических концепций, торжество безличности и посредственности, помимо романа *Человек отменяется*, с болью и негодованием показаны как в вышеупомянутых, так и во многих других произведениях рубежа XX-XXI веков.

Важно подчеркнуть, что в потёмкинском Римушкине на качество 'человечности' испытываются не представители русского народа, каким он был в XIX веке, во времена А. Пушкина и Ф. Достоевского, но люди постсоветской массы с ее сложным социалистическо-капиталистическим генезисом. Возможно поэтому Гусятникову так легко удается «развевать иллюзии, будто человек – это что-то замечательное, прекрасное и вечное» (Потёмкин, *Человек отменяется* 183), одушевлявшие 'усадебную культуру' и Золотого, и Серебряного века русской истории. Более того, сам помещик XXI века по своей психологии такой же 'человек массы', как и его 'крепостные':

Ведь я такой же, как Латипова, Казначеев, как совершенно все прочие! Может быть, еще более паскудный! Еще более отвратительный! Лиши меня денег, недвижимости, бизнеса, чем я буду заниматься? В какой дыре окажусь? Чем начну зарабатывать на хлеб насущный? Сам буду действовать локтями, чтобы стать крепостным 'Римушкина'. Барьер-то между нами лишь денежный. Лишь цифры, лишь тучи купюр разводят нас на две стороны! Дай им пару десятков миллионов, они свое поместье выстроят, чтобы издеваться, издеваться, издеваться надо мной! (Потёмкин, *Человек отменяется* 266-267)

Размышляя о несовместимости шкалы ценностей современного человека и его предшественников, Гусятников заключает:

Да, люди в России уже совсем другие! Но какое быстрое, невероятное, качественное изменение! (Потёмкин, *Человек отменяется* 62)

Не оригинален Потёмкин и в своей острой неприязни к постсоветской либерально-демократической цивилизации с ее беспрецедентной коррупцией, резким социальным расслоением и пауперизацией большей части населения России в 1990-е годы. Как и большинство русских писателей рубежа XX-XXI веков, он показывает, что внедрение неолиберальной рыночной идеологии и соответствующих форм жизни в постсоветской России (впрочем, как и во всем мире) сопровождается не только безудержным потреблением, но и ростом криминала и насилия:

Если раньше насилие являлось частью жизни элитарного общества – вспомните дуэли, рыцарские турниры, убийства из-за дележа наследства, – то теперь оно стало атрибутом попсовой культуры, широко распространяющейся в массах. (Потёмкин, *Человек отменяется* 476)

С другой стороны,

[...] проявление насилия – защитная реакция человека на невзгоды судьбы. (Потёмкин, *Человек отменяется* 479)

Но самое серьезное обвинение современности – в угашении высшего, духовного, творческого импульса в человеческом большинстве:

Неолиберальная, рыночная глобализация, новые экономические теории и христианство, да и любая религия, не вяжутся друг с другом. Духовная активность человека все чаще вянет в перегретом рыночном воздухе. (Потёмкин, *Человек отменяется* 221)

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

Все эти взгляды передаются посредством постмодернистского набора художественных средств: интертекстуальности (в частности, наличием прецедентного текста – хрестоматийного романа Пушкина *Дубровский*, а также бесчисленными демонстративными аллюзиями на Достоевского), деконструкции целого веера неомифов, повествовательного хаоса, психоанализа, системы симулякров и проч., которые широко используются в романе *Человек отменяется*. Однако с очевидностью принадлежит к культурной эпохе постмодерности, анализируемый роман Потёмкина по многим признакам представляет второй ее этап – не литературное течение постмодернизма в узком смысле слова, а направление неомодернизма, или метамодернизма (последний термин в 2010-е годы стал более употребительным). Такие черты метамодернизма, как серьезность и искренность в постановке проблем, архетипические мотивировки характеров, противостояние человека не столько социальному строю, сколько законам мироздания, уход от тотальной постмодернистской иронии и релятивизма в исследовании модусов и границ ‘человечности’, имплицитное ощущение идеальной нормы ‘человечности’, высокий градус авторского пафоса, а главное – «интенция созидания культурного пространства, [...] восстановления прошлого, отвоевании его у небытия» (Солдаткина 479-480) – отчетливо просматриваются в романе *Человек отменяется*.

Тем не менее ‘крепостническое’ поместье на просторах России начала XXI века – это симулякр, указывающий не столько на реальную ‘усадебную культуру’ XVIII–XIX веков, сколько на деконструкцию ‘усадебного мифа’ Серебряного века, и эксплуатирующий усадебную неомифологию советской эпохи с присущим ей классовым подходом и эскалацией ужасов крепостного рабства ‘золотого века русского дворянства’, т. е. времени правления императрицы Екатерины II и императора Александра I. Недаром владелец Римущкина Иван Гусятников мечтает воссоздать имение Кирилы Петровича Троекурова из пушкинского *Дубровского* (1833 год), действие которого происходит в 20-е годы XIX века.

Первое упоминание об усадебном проекте Гусятникова – на устроенном им банкете в роскошном столичном ресторане *Омиан*, где проворачивается циничная коррупционная схема: сбор средств на покупку должности главы одной из богатых природными ресурсами автономий, львиную долю дохода которой затем смогут получать вкладчики. Забавляясь презрением к толпе бессовестных нуворишей, способных на любые унижения и мерзости ради будущей наживы, Гусятников предлагает своим гостям конкурс на «звериную жестокость» по отношению к «копеечному люду» (Потёмкин, *Человек отменяется* 41), плебсу, апогеем которой в прошлом, по его мнению, было крепостническое поместье рубежа XVIII–XIX веков на Среднерусской возвышенности. Этим герой намеревается «восстановить великие традиции российского имперского дворянства» (Потёмкин, *Человек отменяется* 42). В другой раз, на деловой встрече в зимнем саду гостиницы *Националь*, Гусятников конкретизирует свою ‘химеру’, вдохновляясь сюжетом пушкинского *Дубровского*: по примеру помещика Троекурова он желает, с помощью продажных судейских чиновников, в обход закона приобрести принадлежащую другому владельцу недвижимость. А еще – «построить феодальную деревушку» на Орловщине, заселить ее нанятыми за хорошую зарплату «крепостными» с целью

[...] понаблюдать, какой у человека слой человечности [...], какова цена его ломки, сколько шагов от нее до ярости, до смертных грехов, до звериной ненависти». (Потёмкин, *Человек отменяется* 182)

Такова идея Гусятникова, для полного понимания которой важно каждое из приведенных здесь слов.

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

Стоит также отметить, что Римушкино – новодел, т. е. это не отреставрированная историческая усадьба, а вновь возведенное на пустом месте, в отсутствие пейзажа поселение из 49 крестьянских изб, одного терема для совместных мероприятий и двух особняков для помещика и его гостей. Правда, сама его локализация (в Орловской губернии) вызывает в культурной памяти читателя литературные ландшафты И. Тургенева или И. Бунина, самых ‘усадьбных’ русских писателей, но – что симптоматично – скорее по контрасту, а не по сходству. В последующем изложении в Римушкине появятся еще и пронумерованные избы, напоминающие о военных поселениях графа Аракчеева в XIX веке, а также ‘бараки’ как специальные помещения для проведения экспериментов по основным человеческим ‘грехам’ и преступлениям: похоти, чревоутодию, кощунству, воровству, лживости, грабежу, убийству. В силу этого поместье Гусятникова похоже на советский ГУЛаг середины XX века, в системе которого как места заключения нередко использовались усадьбы (вспомним, например, роман А. Солженицына *В круге первом*). И если ‘усадьбный миф’ Серебряного века идеализировал загородное поместье, представлял его как ‘рай на земле’, то в соответствии с советским неомифом усадьба – это ‘ад на земле’, что и продемонстрировано Потёмкиным в имении своего героя.

Надо сказать, что тенденция социально-критического изображения русской помещичьей усадьбы как места жестокого сословного унижения крестьян и дворовых, а также безнаказанного разврата и насилия над нижестоящими появилась и окрепла еще в XIX – начале XX века: вспомним произведения Н. Гоголя, Н. Некрасова, А. Герцена, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, позднего А. Толстого, А. Толстого и др. В советское время она была гипертрофирована и абсолютизирована, создавая в сознании читателей односторонний мрачный образ (см., например, повесть Г. Чулкова *Вальсариново царство*, опубликованную в 1935 году). Он-то и стал основой для потёмкинского Римушкина. С той лишь разницей, что эта усадьба построена не для экономической эксплуатации ‘крепостных’, а для ‘научного’ исследования человеческой природы в различных, искусственно создаваемых ситуациях. Взаимодействие двух усадьбных мифов: серебряновецкого (как памяти об утраченном рае) и советского (как неизжитого в ментальности лагерно-крепостного ада) – с апелляцией к классическому русскому усадьбному роману Золотого века (пушкинскому *Дубровскому*) задает уникальное стереоскопическое восприятие ‘усадьбного топоса’, впервые в русской литературе осуществленное в этом романе. В то же время, построенный на пустом месте новодел, Римушкино как бы опровергает всю многовековую усадьбную топику России, осуществляет деконструкцию обоих усадьбных неомифов и тем самым превращается в симулякр. А затем на расчищенном фундаменте, как будто лишенном культурных смыслов ‘усадьбного топоса’, конструируется новый усадьбный неомиф, о котором речь пойдет ниже.

Обратим внимание и на то, что название усадьбы ассоциируется с Римом, причем двояким образом: с одной стороны, этим подчеркнута реальная дехристианизация постсоветской неолиберальной России 1990-х годов, где степень жестокого обращения с простыми людьми сравнима с рабовладельческими нравами языческого Древнего Рима; с другой – происходит деконструкция допетровского мифа о ‘Москве – Третьем Риме’, оплате христианской ойкумены. Тем не менее древнеримско-имперский миф с присущей ему колониальной стратегией все же реализуется по этому «увлекательному адресу» (Потёмкин, *Человек отменяется* 481), в первую очередь благодаря упоминаниям о «российском имперском дворянстве» XVIII-XIX вв. Роман *Дубровский* не случайно упоминается именно в этом контексте.

Для уяснения замысла Потёмкина необходимо сделать экскурс в современную культурологию и обратиться к известным книгам Э.В. Саида *Культура и империализм* (1993 год) и А. Эткинды *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России* (2013 год). Хотя Саид пишет в первую очередь о британском и американском империализме XVIII- XX веков,

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

увиденные им закономерности колонизаторского процесса можно применить и к России. В частности, он много внимания уделяет месту книги в мире империй: «непревзойденная традиция романа» способствовала проникновению имперской культуры в колонизируемый народ, а сам «империалистический процесс» разворачивался в нарративе европейского романа XIX века. В английском, французском, американском классическом романе Саид находит многочисленные колониальные и имперские реалии, делая вывод о том, что во многом он является выразителем имперской идеологии, пусть порой и неосознанно (см.: Саид 8, 27, 57, 151). Несложно спроецировать этот взгляд на «континентальную» империю России (Эткинд 227) того же периода. С позиций, сформулированных Саидом, русский классический роман, в том числе *Дубровский* Пушкина, также должен быть пронизан имперским пафосом, только с одной оговоркой: Россия – это империя, которая, по мысли В. Ключевского, сама «колонируется» (Ключевский, том 1 26), т. е. на протяжении веков ей была свойственна не столько внешняя, сколько внутренняя колонизация. Вслед за С. Соловьевым, применившим концепцию самоколонизации к допетровской Руси, Ключевский распространил ее также и на российскую историю Нового времени.

Своеобразие российской самоколонизации XVIII – начала XX веков Эткинд видит в сословном делении российского общества, закрепленном в законодательстве императрицы Екатерины II. Именно оно обусловило новый тип внутренней колонизации в стране – господство европеизированных помещиков-дворян (одетых в иностранное платье, получивших иностранное образование, говоривших на иностранных языках) над патриархальными крестьянами, сохранившими многовековые русские национальные обычаи, привычки и стихию родного языка. По мысли Эткинда, помещичье дворянство выступало по отношению к русскому крепостному крестьянству во многом как иностранный цивилизатор и эксплуататор по отношению к инокультурным жителям покоренной колонии. Ведь в екатерининской *Жалованной грамоте дворянству* (1785 год), завершившей корпоративное устройство этого сословия, имперская идеология была сформирована под влиянием «идей, заимствованных [...] из западноевропейской политической литературы» (Ключевский, том 3, 401). С этой точки зрения усадьба являлась своего рода колониальным фронтиром, где происходил контакт между метрополией и колонией, а крепостничество становилось «инструментом внутренней колонизации» (см.: Эткинд 169-170, 199).

Заданная романом Потёмкина новая ретроспективная оптика, к которой, конечно же, роман Пушкина далеко не сводится, тем не менее позволяет трактовать ряд его деталей соответствующим образом. Недаром Эткинд назвал русскую литературу «самым успешным институтом культурной гегемонии империи» (Эткинд 389). Вспомним, что в *Дубровском* изображаются три усадьбы: Кистеневка Дубровских, Покровское Троекурова и Арбатове князя Верейского. Если первые две во многом имеют патриархальный характер, хотя и управляются помещиками – бывшими имперскими офицерами, героями русско-турецких войн, то в третьей с очевидностью усматривается колониальный тип взаимоотношений между владельцем и зависящими от него людьми. Правда, по отношению к ним здесь подчеркнута цивилизаторская и культуртрегерская роль только что приехавшего из столицы, а в столицу – из-за границы, из Европы, «агента империи»: в Арбатове (этот топоним ассоциируется с одной из главных улиц Москвы, указывая на «столичный» характер усадьбы Верейского) гости любовались

[...] чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зеленый луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галерей картин, купленных князем в чужих краях. (Пушкин 194)

Однако насилие как элемент поведения князя в своей вотчине заметно и в вышеприведенной цитате, и – особенно – в последующем сватовстве Верейского к Маше Троекуровой. Этот просвещенный европеец не задумываясь принуждает девушку, которая любит другого (и он прекрасно об этом знает), к ненавистному ей браку. Устроенный Верейским для Маши фейерверк можно трактовать как демонстрацию «мощи и красоты империи» (Эткинд 189) на фоне гендерного бесправия ‘колонируемой’ женщины, лишения ее человеческих прав. Да и в усадьбе Троекурова, наряду с патриархальной семейственностью (даже в буквальном смысле: двор полон бастардами барина), видны имперско-сословная дискриминация и расчеловечивание крестьян: собаки на образцовой барской псарне живут намного лучше холопов.

Опираясь на исследования П. Милюкова, М. Любавского и Е. Тарле, Эткинд включает в процесс самоколонизации страны также и многие явления советского периода: коллективизацию, ГУЛаг и проч. (см.: Эткинд 107). Причем, по мнению культуролога, сословный принцип колониальных отношений в СССР сохранялся под видом повышенной роли ‘социального происхождения’ граждан, а в постсоветской России, как показали исследования С. Кордонского (см.: Кордонский), связан с владением материально-властными ресурсами. Последнее наблюдение дает нам ключ к большему пониманию роли усадьбы Римушкино в романе Потёмкина. Новый помещик – циничный коррупционер; как заправский колонизатор, он занимается «организованным переселением людских масс» (Эткинд 91) – жители в Римушкине появляются в результате найма из разных уголков бывшей советской империи; он принуждает их к выполнению нужных ему задач внеэкономическим способом, т. е. физическим и психологическим насилием; и совсем не случайно Гусятников так озабочен своей неспособностью собственноручно убить человека – ведь преодолев ее, он тем самым превзойдет в могуществе «российское имперское дворянство»:

Помещики могли и, с точки зрения государства и церкви, должны были заставлять крепостных работать любыми способами; они лишь не могли убивать их. (Эткинд 196)

В аспекте внутренней колонизации обретает смысл и такая деталь в изображении Римушкина, как частое использование новым помещиком Гусятниковым в своей речи иностранного – китайского – языка. Китай в этом контексте маркируется как могущественная современная империя, осуществляющая ‘гибридную’ экспансию. И что как не расчеловечивание ‘крепостных’ XXI века происходит в ‘бараках’ Римушкина?

В рамках теории самоколонизации России особое наполнение приобретают понятия ‘столица’ и ‘провинция’. Вне этой концепции обе категории обычно образуют оппозицию, внутри которой столица – средоточие власти и управления, с одной стороны, и передовых культурных практик, глобальной динамики, высоких стандартов жизни – с другой, а провинция – синоним застоя, отсталости, вторичности, бескультурья, но в то же время – носитель самобытных историко-культурных традиций и источник богатства национальной литературы (подробнее см.: Злотникова; Паршина). Однако многие ученые отмечают, что на рубеже XX-XXI веков «столица утрачивает лидирующую роль в жизни страны» (Злотникова 296), а «экономико-географическое пространство России оказалось организовано по принципу русских матрешек, [...] когда один и тот же образ

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

бесконечно воспроизводится, стираясь постепенно в результате монотонной трансляции» (Замятин 358). Другими словами, прежние различия между столицей и провинцией стираются как в положительном, так и в негативном аспекте. Изложенные взгляды углубляются в позиции М. Эпштейна: отталкиваясь от изначального, древнеримского, смысла слова 'провинция' (завоеванная область, управляемая из венаходимой имперской столицы) и опираясь на вышеприведенную теорию В. Ключевского о самоколонизации России, культуролог вообще отказывается от оппозиции 'столица–провинция' и утверждает тотальную 'провинциальность' всей страны. По мнению Эпштейна, в русской литературе конца XX века «и город, и деревня отстают перед гораздо более мощной и объединяющей реальностью Провинции» (Эпштейн 46) и эта сплошная 'провинциальность' России обусловлена ее перманентной самоколонизацией. В то же время привлекает внимание мысль О. Дискаччиати: «Провинция – царство дистопии» (Дискаччиати 52), реализующей негативные тенденции развития страны. Итак, обобщая мысли ряда исследователей, приходим к выводу о том, что в русской литературе рубежа XX-XXI веков пространство России нередко превращается в гомогенную провинциальную дистопию, а концепты 'столица' и 'провинция' теряют свои очертания.

В самом деле, в романе *Человек отменяется* Москва отличается от провинциальных локусов (сибирско-дальневосточной нефтеносно-крабовой 'автономии' или поселка Искатели на крайнем севере Европейской России) только степенью спущенности зла, преступности, разврата, жадности, скуки и пустоты существования: вспомним историю 'выборов' одного из зауральских губернаторов в столичном ресторане *Омиан* или аферу по отъему законной недвижимости в столице, или низкопробные сексуальные утехы московской 'шикерии', или криминальную жестокость нравов провинциального городка Цивильска, где орудовал маньяк Григорий Проклов, или омерзительные эротические игры малоимущих пассажиров плацкартного вагона, в котором ехал на север Виктор Дыгало. Принципиальной, качественной разницы между столицей и провинцией в этом произведении нет, они одно огромное поле 'внутренней колонизации', без выделения субъекта и объекта этого процесса, без «причин различать колонии и метрополию» (Эткинд 99), или – другими словами – провинцию и столицу.

Однако в романе Потёмкина все же есть локус, резко противостоящий тотальной гомогенности постсоветской провинции, – это усадьба Римушкино. И недаром она ассоциируется с поместьями из пушкинского *Дубровского*, а ее нарратив разворачивается в контексте исторической памяти о 'российском имперском дворянстве'. Как отмечает О.С. Евангулова, на рубеже XVIII-XIX веков

[...] неточно было бы уравнивать усадьбу с провинцией, хотя в территориальном отношении большинство поместий расположено и вблизи, и вдалеке от столиц, а в совокупности составляет в некотором смысле архипелаг. Находясь вне противостояния "столица – провинция", усадьба самолюбиво претендует на исключительное положение: не ниже столиц и определенно выше провинции. (Евангулова 17)

В дальнейшей истории России наблюдалась динамика в соотношении топов усадьбы, столицы и провинции:

Если во времена своего расцвета дворянская усадьба воспринималась едва ли не как вершина в культурном развитии человечества (Н.А. Львов и другие), то в период разложения этой культуры, последовавшей после отмены крепостного права, усадьба стала оцениваться как разновидность провинции. (Строганов 221)

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

Какова же семиотика Римушкина в композиции романа? Не обладая привычными провинциальными коннотациями, эта усадьба для искателя смысла человеческого существования Гусятникова становится единственным местом, где он может укрыться от «жуткой повседневности» (Потёмкин, *Человек отменяется* 481) своей московской жизни, именно там совершается перспективное, с его точки зрения, жизненное движение (эксперименты над человеческой природой в поисках ее наилучшего варианта), именно там решается, по Потёмкину, главная задача современности – реальное изменение ‘человека массы’ начала XXI века, необходимость которого признают все без исключения герои романа: Химушкин, Гусятников, Дыгало и даже идеалистка Настя Чудецкая.

Таким образом, усадьба в *Человеке отменяется*, по примеру рубежа XVIII-XIX веков, становится субститутом столицы и даже более того – аналогом внеаходимой по отношению к своей провинции-колонии имперской столицы (о чем, помимо названия, свидетельствует первоначальная топографическая пустота ее местоположения и пришлый характер ее жителей). В то же время Римушкино, в силу своей переходности, может быть названо экстратерриториальной столицей уже не эмпирической постсоветской России, а какой-то неведомой умозрительной империи: недаром новый помещик стремится там «миром воображения компенсировать серость окружающей действительности» (Потёмкин, *Человек отменяется* 263). Однако делает это иными средствами, чем герои Пушкина князь Верейский и Троекуров в своих благоустроенных имениях, окруженных прекрасной окультуренной природой. В этом смысле прототипом Римушкина является скорее Кистеневка господ Дубровских с ее невзрачным «сереньким домиком» «на открытом месте» (Пушкин 157) и атмосферой перенесенной несправедливости, криминала и маргинальности, – впоследствии сгоревшая и покинутая.

На пустом месте, в отсутствие какого-либо пейзажа, в сердцевине отягощенной лагерно-криминальными ассоциациями усадьбы-симулякра, на «крыльях ужаса» Гусятников как бы воспаряет к «воображаемому сообществу» нового сверхчеловечества; его «воображаемый мир зримо укоренен в повседневной жизни» и «вымысел беспшумно и непрерывно проникает в реальность» (Андерсон 87-88). Под вымыслом в данном случае можно понимать литературу, Пушкина, роман *Дубровский*, а также наполняющие произведение Потёмкина аллюзии на Достоевского, прежде всего на *Записки из подполья* (1864 год) с их захлебывающимся книжным мечтательством и жизнотворчеством. Сама фамилия потёмкинского героя в этом контексте становится говорящей: если Римушкино – от слова ‘Рим’, то Гусятников – от слова ‘гуси’, которые, по известной легенде, спасли ‘вечный город’.

В заключение резюмируем: в романе Потёмкина *Человек отменяется* представлена новая, ранее неизвестная в русской литературе модификация ‘усадебного топоса’, вобравшая в себя семиотику деконструированных ‘усадебных мифов’ Серебряного века и советского периода с отсылкой к русскому классическому усадебному роману, а также имперско-колониальный неомиф эпохи постмодерности. Обусловленное этим фактом отсутствие в новеделе Римушкине исторических черт многовековой топики русского поместья привело к появлению в романе усадьбы-симулякра. Так создается пространственно-семиотическая структура произведения, в которой усадьба принимает на себя функции ‘столичности’ в гомогенном пространстве окружающей ‘провинциальности’, включающей в себя и Москву, и отдаленные от центра локусы. Однако ‘столичность’ Римушкина относится не только к миру постсоветской России, но и к ‘воображаемому сообществу’ обновленного человечества / сверхчеловечества. Таким образом, роман Потёмкина демонстрирует непреходящую значимость ‘усадебного топоса’ в прошлом, настоящем и будущем русской культуры. Добавим, что содержательное наполнение этой значимости соответствует особенностям дискуссионного мировоззрения писателя, с которым читатель волен не соглашаться.

Библиография

- Аннинский, Лев. “Проклятые вопросы / Человек неотменимый: Споры о романе Александра Потёмкина *Человек отменяется*.” *Завтра* 760, № 24, 11 июня 2008. <https://pub.wikireading.ru/160563> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Андерсон, Бенедикт. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*, пер. с англ. Владимира Николаева, вступ. статья Светланы Баньковского. Кучково Поле, 2016.
- Богданова Ольга. *Русская проза конца XX – начала XXI века: Основные тенденции: Учебное пособие для студентов-филологов*. ИД «Петрополис», 2013.
- . “Роман-эпопея XX века: «восстание масс» в *Жизни и судьбе* В.С. Гроссмана.” *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, № 1, 2014, с. 95-105.
- . “Русская литературная усадьба XIX-XX вв.: теоретический аспект исследований”. *Mundo Eslovo*, № 19, 2020, с. 89-102.
- Бондаренко, Владимир. “Самоистязание / Человек неотменимый: Споры о романе Александра Потёмкина *Человек отменяется*”. *Завтра* 760, № 24, 11 июня 2008. <https://pub.wikireading.ru/160563> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Вилесов, Николай. “О дискуссии по роману Александра Потёмкина *Человек отменяется*.” *Завтра* 760; № 24, 11 июня 2008 г. <https://www.politforums.net/internal/1214414842.html> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Гачева, Анастасия и Семенова Светлана. “Химеры разума или истина сердца?” *День литературы* №134, 2007. <https://pub.wikireading.ru/178327> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Дискаччиати, Орнелла. “Провинциальные противоречия в постреволюционной России.” *Русская провинция: pro et contra: Коллективная монография*, под ред. Уго Перси и Андрея Полонского. ИД «Белгород», 2017, с. 49-54.
- Евангулова, Ольга. *Художественная «вселенная» русской усадьбы*. Прогресс-Традиция, 2003.
- Замятин, Дмитрий. *Культура и пространство: моделирование географических образов. Языки славянской культуры*, 2006.
- Злотникова, Татьяна. “Провинция.” *Культурология: Энциклопедия* в 2-х томах, т. 2, под ред. Светланы Левит. РОССПЭН, 2007, с. 290-297.
- Ключевский, В. *Русская история. Полный курс лекций в 3-х т.*, т. 1. АСТ, 2002.
- . *Русская история. Полный курс лекций в 3-х т.*, т. 3. АСТ, 2002.
- Кордонский, Симон. *Россия: поместная федерация*. Изд-во «Европа», 2010.
- Маслин, Михаил. “Человек отменяется / Человек неотменимый: Споры о романе Александра Потёмкина *Человек отменяется*.” *Завтра* 760, № 24, 11 июня 2008. <https://pub.wikireading.ru/160563> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Никитин, Валентин. “Advocatus diaboli? О романе Александра Потёмкина *Человек отменяется*.” *Коммерсант*, 21 октября 2009. <https://www.kommersant.ru/doc/1258894> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Паршина, Ольга. “Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор”. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 13, № 2, 2020, с. 126-129.

Усадьба, столица и провинция

Ольга Богданова

- Потёмкин, Александр. “К новому человеку / Человек неотменимый: Споры о романе Александра Потёмкина *Человек отменяется*.” *Завтра* 760, № 24, 11 июня 2008. <https://pub.wikireading.ru/160563> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- . *Человек отменяется: Роман*. «ПоРог», 2014.
- Пушкин, Александр. “Дубровский: Роман.” *Полное собрание сочинений в 10-и томах*, т. 6. Ленинград, 1978, с. 142-209.
- Саверченко, Иван. *Россия и русские в произведениях Александра Потёмкина*. <http://koksheneva.ru/posts/rossiya-i-russkie-v-proizvedeniyah-potemkina/> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Сайд, Эдвард Вади. *Культура и империализм*, пер. с англ. Александра Говорунова. Владимиръ Даль, 2012.
- Салуцкий, Анатолий. “Пощечина человечеству.” *Независимая газета*, 18 октября 2007. https://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-10-18/7_poshechina.html (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Солдаткина, Янина. “Время и пространство современной русской прозы: неомодернизм и постмодернизм. Рецензия на учебное пособие: Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018.” *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика* 23, № 4, 2018, с. 477-482.
- Стоян, Арсен. “Роль ‘машин желания’ в обществе массового человека.” *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*, № 1, 2018, с. 61-69.
- Строганов, Михаил. “Неодолимость пространства: усадьба в драматургии А.П. Чехова.” *Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина: Коллективная монография*, под ред. Ольги Богдановой. ИМЛИ РАН, 2020, с. 218-227.
- Черняев, Петр. “Потёмкинские деревни, или В поисках единомышленников.” *Литературное обозрение*, 24 октября 2007. <https://www.labyrinth.ru/news/3420/> (Дата последнего обращения 20.03.2021).
- Энштейн, Михаил. *Все эссе в 2-х томах, т. 1. В России*. У-Фактория, 2005.
- Эткинд, Александр. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, пер. с англ. Макарова. Новое литературное обозрение, 2013.